

Желание
женщины

Читайте любовно-детективные романы Людмилы Мартовой:

Ключ от незапертой двери
    Страсть на грани
    Февральская сирень
    Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
    Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
    Когда исчезнет эхо
    Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
    Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
    Стереть из памяти
    Каждому по заслугам
Круиз на краю бездны

ПЯТЬ ПОДРУГ
Приворот для Золушки
    Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
    Вакансия третьего мужа
    Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах
    Одна смертельная тайна

**ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ
НИКИТЫ ЧАРУШИНА**
В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

**ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ
БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ**
Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина
Роковое завещание
Посмотри в ее глаза

**КРУЖЕВА СУДЬБЫ
СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ**
Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ
Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

ЛЕД И ПЛАМЯ АЛЕКСЕЯ ЗУБОВА
Мадам будет в красном
Вишня во льду
Уравнение с тремя неизвестными
Из ледяного плена

СБОРНИКИ РАССКАЗОВ
Игра в убийство
От звезды и до воды
Лоза под снегом

Людмила

МАРТОВА

ПОСМОТРИ
В ЕЕ ГЛАЗА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

М29

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29   Посмотри в ее глаза / Людмила Мартова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-234102-1

В тихом поселке Излуки, куда петербурженка Катя Ильинская приезжает залечить душевные раны после смерти матери, идиллическую тишину разрывает страшное событие — бесследно исчезает восьмилетняя Лиза. Эта трагедия втягивает Катю, обычную школьную учительницу, в ледящую душу тайну, когда прошлое мстит за старые обиды, а за фасадом добрососедских отношений скрывается паутина лжи, ревности и алчности. Катя, сама того не желая, становится главной фигурой в смертельной игре, где каждая находка приближает ее не только к разгадке, но и к смертельной опасности...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-234102-1

© Мартова Л., 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Мой чёрный человек в костюме сером!..

Владимир Высоцкий.

Мне было четырнадцать лет, когда у меня отобрали все. Мое счастливое безмятежное детство, полное родительской любви и финансового благополучия, закончилось в одночасье.

Нет, внешне все осталось как раньше. Мы с мамой по-прежнему жили в нашей четырехкомнатной квартире в центре города, моей школой оставалась элитная гимназия, мы все так же ели самую изысканную еду и могли заказать пиццу в ресторане на всю компанию друзей, летом меня отправляли на море, но все это было категорическое не то. Уже без отца.

Точнее, он присутствовал в моей жизни, но теперь жил отдельно, с другой семьей. И с чужим ребенком. Последнее меня добивало. Отец променял меня на чужого ребенка, к которому почему-то относился как к собственному. Точнее, собственной, ибо это была девочка.

Младше меня на семь с лишним лет, она сразу стала называть моего отца папой. Когда я это слышал, внутри меня все жгло, как от кислоты, случайно отпитой из бутылки. Это была кислота ревности, разъедающая внутренности и выжигающая все чувства, кроме ненависти. Я не мог ходить к ним в дом, где отец жил с этой гадиной, которая украла

его у моей матери и меня, и ее дочкой. При каждом визите туда у меня словно поднималась температура. Щеки горели нездоровым румянцем, глаза лихорадочно блестели, дыхание становилось тяжелым, прерывистым.

Никому не было дела до моего состояния. Моих чувств. За столом эта маленькая макака сидела напротив и кривлялась, рассказывая что-то о своих школьных делах. Отец спрашивал обо всем с таким участием, которое он раньше проявлял ко мне. Только ко мне. Он и сейчас для вида интересовался, как у меня дела в школе, но у меня ответы всегда односложные, и он сразу отставал, словно на самом деле ему было все равно.

Его вообще не интересовало ничего, что не касалось этих двух гадин. Большой и маленькой. Никто не вызывал у меня такой ненависти, как эта обезьяна, почему-то решившая, что имеет права на моего отца, хотя в ней нет ни капли его крови. Бешенство заливало мой мозг. Мне было физически плохо от визитов в их дом, но и не ходить туда я не мог. И дело не в том, что отец желал общаться со мной, и не в зависимости от его проклятых денег, которые он продолжал нам давать практически в неограниченном количестве до тех пор, пока моя мать тоже не вышла замуж во второй раз.

Зависимость от ненависти стала моим спутником. Ненависть подпитывалась при каждом взгляде на то, как они сюсюкают друг с другом, мой отец и его гадина, как щебечет эта обезьяна, отчего-то решившая, что может быть мне ровней.

Это не могло кончиться хорошо. Ненависть кипела внутри, требуя выхода. Надо признать, любви к матери у меня тоже не осталось. Как можно любить столь никчемное существо, которое променяли на другую женщину? Как можно

ценить и уважать слабачку, которая даже не думала бороться за свое и мое счастье, сдала нашу семью без боя, согласилась на позорную капитуляцию? Я искренне не понимал, за что ее полюбил другой мужчина. Мой отчим. Почему захотел на ней жениться? Как согласился забрать в свою жизнь вместе со мной – озлобленным четырнадцатилетним подростком? Надо отдать ему должное. Он оказался настоящим мужиком: сильным, уверенным в себе. Если бы он был моим отцом, то у меня бы получилось им гордиться. Но он им не был.

Мой настоящий отец и его жена вскоре завели себе общего сына. Он не вызывал у меня ненависти, только легкую брезгливость, потому что походил на кусок орущего мяса. Он очень быстро перестал путаться под ногами, как и гадина, укравшая у меня отца. Они больше не могли причинить мне боль. Но та оставалась. Жгучая, острая боль от того, что родной отец навсегда вычеркнул меня из своей жизни.

Что ж, каждый из нас сделал свой выбор. И каждый из нас должен принять его, как бы тяжело ни было. Включая меня. Прошрое, полное боли и слез, осталось за спиной. Я – новый человек, полностью готовый к тому, что будет дальше. Меня ждет новая прекрасная жизнь.

* * *

Катя Ильинская отпустила ручку тяжелого чемодана и глубоко вздохнула. Она стояла перед забором, табличка на котором гласила, что она наконец-то добралась по нужному адресу. Таксист завез ее не туда, точнее, навигатор привел его не к калитке в воротах, а на параллельную улочку, куда выходили зады дома.

Катя и сама не знала, откуда в голове всплыло это странное словосочетание. Услужливая память профессионального филолога тут же выдала несколько подходящих к случаю цитат из художественной литературы. «Потом он вышел в сад, достал жесткую щетку и принялся скоблить ею трубу на задах дома». Это из романа Майкла Бонда «Медвежонок Паддингтон здесь и сейчас». А еще «На задах дома рос настоящий лес» — из «Обратной стороны успеха» Сидни Шелдона. И у Айрис Мердок в книге «Замок на песке. Колокол» тоже было что-то похожее. Да! «К библиотеке примыкает комната в два окна, одно из которых выходит на зады дома, а второе — на лужайку». Точно!

От поддержки пришедших ей на помощь писателей Катя немного приободрилась. Таксист высадил ее у глухого забора, наотрез отказавшись развернуться и подъехать с другой стороны. Сказал, что сама дойдет. Кто-нибудь другой, к примеру Катина лучшая подружка Вилена, наверняка бы настояла, чтобы не тащиться с тяжелым чемоданом по узкой тропинке, которую Катя с трудом обнаружила между участком своей тети и соседним.

Спасибо нормативам, по которым глухие заборы должны перемежаться пожарными проездами, иначе обходить пришлось бы совсем далеко, недаром таксист отказался ехать. Катя, вздыхая, свернула туда, таща за собой чемодан. Чуть не столкнулась с каким-то человеком, кажется мужчиной, одетым, несмотря на наладившуюся уже с самого утра жару в брезентовый плащ с капюшоном и высокие резиновые сапоги. Плащ такой назывался, кажется, «макинтош». На рыбалку собрался, наверное. Или за грибами? Впрочем, корзинки у человека не наблюдалось.

При виде Кати встреченный незнакомец сбился со своего широкого шага. Отвернулся к забору тетиного дома, чуть

ли не прижавшись к нему лицом, чтобы пропустить молодую женщину вместе с ее тяжелой ношей. Да, вот Вилена бы заставила привезти ее к воротам или, на крайний случай, написала бы жалобу в сервис такси, чтобы компенсировать неудобства, или вклеила таксисту единицу, чтобы обрушить его рейтинг и получить хотя бы моральную сатисфакцию. Но то Вилена, а Катя покорно потащилась с тяжеленным чемоданом пешком в обход. И жаловаться никуда не стала, и единицу ставить тоже. Такой уж у нее характер.

Давно не кошенная трава на тропинке цеплялась за колесики чемодана. Сам он оттягивал руки, словно был набит кирпичами, а не подарками и одеждой, взятой для месячного пребывания в деревенской глуши. Тетя, правда, уверяла, что Излуки — никакая не глушь, а просто малоэтажный жилой микрорайон на окраине города. На автобусе до центра всего-то полчаса, а на машине и того быстрее, какие-то пятнадцать минут.

Вообще-то Катю, приехавшую в Излуки в отпуск, должен был встретить тетин сын, ее троюродный брат Александр, но у того что-то случилось. Катя по телефону не поняла, что именно, и тетя извиняющимся голосом попросила ее взять такси, которое привезло Катю не туда. Точнее туда, но не к воротам, а на зады дома. Тьфу, опять.

Чемодан снова застрял на тропинке. Катя подергала ручку. Нет, намертво. Видимо, трава намоталась-таки на колесики. Она вернулась на пару шагов назад, присела у своего многострадального чемодана, чтобы понять, что случилось. Под колесиком обнаружился попавший в механизм и вставший на попа спичечный коробок, довольно необычный и красивый. На нем был нарисован автомобиль «Форд», пикап с открытым багажником, груженным какими-то досками.

Катя выдвинула коробок, багажник удлинился, а естественным продолжением досок на крышке стали лежащие внутри спички. Прикольная штука. Гаврик, сын Вилены, десяти лет от роду, собирал спичечные коробки, поэтому Катя сунула находку в карман. Знала, что мальчишка обрадуется.

Утомительное путешествие все-таки подходило к концу, потому что Катя и ее чемодан стояли наконец перед нужными воротами. Оставалось только позвонить. Мимо по улице, вполне себе асфальтированной и городской, мигая синим проблесковым маячком и завывая сиреной, промчалась скорая помощь. Катя проводила ее глазами. После смерти мамы она плохо реагировала на этот звук. Он ассоциировался с бедой. Кому-то плохо, у кого-то впереди горе.

Мама скоропостижно скончалась год назад от сердечного приступа, хотя до этого у нее не было проблем с сердцем. Точнее, она никогда не жаловалась. Наверное, не хотела пугать Катю. Просто осела у плиты, на которой варила Катин любимый компот из ревеня, потеряв сознание. Дочь попыталась привести ее в чувство: и водой брызгала, и нашатырь нюхать давала, но все было тщетно, и тогда перепуганная Катя вызвала скорую.

Та приехала довольно быстро, пугая тревожных прохожих синими всполохами и громкой сиреной, вот прямо как сейчас, а потом примчалась вторая бригада, уже кардиологическая, при которой случилась остановка сердца. Его удалось завести и даже довезти маму до знаменитого Алмазовского центра, но там, в приемном покое сердце остановилось снова, и сделать уже ничего не смогли. Сказали, слишком поздно. А еще сказали, так бывает. Что вы хотите, в шестьдесят пять лет?

Катя хотела, чтобы мама жила до девяноста. Катя знала, что так бывает. Просто никогда не думала, что такое может случиться с ней. Точнее, с мамой, конечно, но все равно с ней. Это же она в двадцать девять лет внезапно осталась совсем одна на всем белом свете и теперь не представляла, как жить дальше. Без мамы.

С той поры прошел ровно год. И тридцатилетняя Катя по-прежнему не очень понимала, как ей жить, хотя жила же. Год промелькнул, как дурной сон, в котором Катя механически вставала по утрам, варила кофе, потом шла в школу, где работала учительницей русского языка и литературы, потом проверяла тетради, потом возвращалась домой, по дороге забегая в магазин за какой-нибудь снедью, подходящей для того, чтобы сойти за обед и ужин. Точнее, за еду номер один и еду номер два. Вкуса она все равно не чувствовала. Ни еды, ни жизни.

Съев еду номер один, она готовилась к завтрашним урокам, затем забиралась с ногами на диван и утыкалась в какой-нибудь сериал, от которого отрывалась лишь для того, чтобы съесть еду номер два. Из этого странного оцепенения ее мог вывести только звонок Вилены, которой иногда удавалось вытащить подругу в театр или на концерт. Но нечасто. Сначала Катя никуда не ходила из-за траура, считая любые увеселения неуместными, а потом отвыкла и чувствовала себя неуютно «на людях».

Вилена сердилась и выговаривала, что она стала совсем букой и что так и зачахнет в тридцать лет. Дождется, что сойдет в могилу вслед за матерью. В могилу Катя не хотела, но и увеселений не желала тоже. А вот неожиданное приглашение от своей тети, Татьяны Михайловны Гордеевой, приехать в Излуки на лето восприняла с неожиданным энтузиазмом.

Когда-то давно, еще в детстве, она один раз гостила в Излуках, и память услужливо подкидывала образ основательного двухэтажного кирпичного дома. Тетя, двоюродная сестра Катиного отца, тогда жила в нем одна, потому что ее сын Александр служил в армии. Сейчас Александру, как знала Катя, уже стукнуло сорок два, значит, ее визит в Излуки состоялся двадцать четыре года назад.

Ну да, именно после этой поездки Катя пошла в первый класс. Хорошее время было. И папа жив. Он умер, когда она училась в третьем классе. Погиб при задержании опасного преступника. Майор Ильинский работал в уголовном розыске и был, как говорили на поминках папины сослуживцы, настоящим героем. Катя это запомнила.

В ней самой не было ничего героического. Поздний ребенок, она родилась, когда маме было тридцать шесть, а папе тридцать два. Мама, тоскуя об отце, всегда утешала себя тем, что он не видел ее старой. Ее разница в возрасте сильно смущала, а папу ни капельки. Он очень их любил: и жену, и дочку, и они долго учились жить вдвоем, без него. И окончательно так и не научились. Просто кое-как приспособились. А потом Катя и вовсе осталась одна.

За этот год к новому своему положению она тоже приспособилась. И утешение нашлось. По крайней мере, мама и папа снова были вместе. А Катя, что ж Катя. В тридцать лет пора становиться взрослой.

Из калитки дома напротив выскочил полный, обрюзгший мужчина лет сорока. Вздрыгивая какой-то. Кинулся к вылезшим из скорой медикам.

– Скорее, скорее. У жены истерика. Понимаете, она совсем ничего не видит. Сначала было ощущение песка в глазах, жжение, слезы текли, а сегодня проснулась и поняла, что вообще ослепла.

Фельдшер и медсестра прошли за калитку, лязгнул замок, и Катя снова осталась на улице одна. Сколько можно топтаться перед воротами? Она подняла руку, чтобы нажать на кнопку звонка и снова не успела. Из-за угла показалась еще одна машина. Большая, основательная, надежная. Ворота дрогнули и поползли в сторону, открывая глазу просторное пространство нужного ей зеленого двора.

Машина въехала туда и остановилась. Из-за руля выскочил высокий крепкий мужчина, в котором Катя по присылаемым тетей фотографиям опознала Александра Гордеева, своего троюродного брата. С пассажирского сиденья вылезла женщина, стройная и изящная, Катя ею прямо залюбовалась. Видимо, его жена Женя. Катя хотела окликнуть родственников, не обративших на нее ни малейшего внимания, но тут Гордеев открыл заднюю дверь, достал из нее девочку лет пятнадцати и на руках понес ее в дом. Голова девочки болталась, и жена брата придерживала ее, семеня рядом с ним и прилаживаясь к его широким шагам.

У Кати снова заколотилось сердце. Неужели и у родственников беда? Ворота остались открытыми, так что Катя, робко потоптавшись с мгновение, шагнула на территорию, таща за собой чемодан. Выложенная плиткой дорожка привела ее к крыльцу. Дверь в дом тоже оказалась открыта, так что Катя поднялась по лестнице и оказалась внутри вместе со своим неподъемным чемоданом, который вытянул из нее все силы.

– Простите, есть кто-нибудь?

Из недр дома появилась, словно вынырнула хрупкая изящная дама, одетая в легкие струящиеся брюки и такую же летящую тунику, красиво подчеркивающие фигуру. Тетя.

– Катенька, детка, ты наконец-то добралась? Слава богу. Я уже начала волноваться, что тебя так долго нет. Ты прости,